
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 34(37)091

ПОЛИСНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ АНТИЧНОСТИ В ОЦЕНКАХ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ

О. И. ХАНКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена политическая и социальная система греческого классического полиса (V–IV вв. до н. э.) и римской республиканской цивитас (V–I вв. до н. э.), которые именуются в современном антиковедении государством полисного типа и гражданской общиной. Полис и цивитас воспроизводили характерную для первичной общины трехчастную модель управления в виде совета старейшин, народного собрания и должностных лиц, магистратов, носителей военной и гражданской власти. Демократические традиции устройства полиса и цивитас воплотились в принципах выборности, коллегиальности и регулярной сменяемости всех ветвей власти, а также в способах принятия законов и формах защиты прав и интересов полноправных членов полисной общины – граждан (греч. *πολίτης*, лат. *civis*). Исследование заявленной в названии данной статьи проблемы построено на активном привлечении свидетельств исторических и юридических источников древности, а также оценок полисной демократии европейской античности, имеющих в мировой науке. Общий вывод автора сводится к положению о том, что греческий классический полис и римская республиканская цивитас завещали человечеству три великие идеи: гражданства, республиканизма и демократии. Всемирное значение этих идей заключается в том, что древние греки и римляне смогли воплотить их на практике.

Ключевые слова: полис; цивитас; республика; демократия; гражданин; гражданское право.

Образец цитирования:

Ханкевич ОИ. Полисная демократия европейской античности в оценках древних и современных авторов. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2018;3:50–60.

For citation:

Khankevich OI. Polis democracy of the European antiquity in accounts of ancient and modern authors. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2018;3:50–60. Russian.

Автор:

Ольга Ивановна Ханкевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Olga I. Khankevich, PhD (history), docent; associate professor at the department of Ancient and Medieval history, faculty of history.
olgakhankevich.bsu@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2323-098X

POLIS DEMOCRACY OF THE EUROPEAN ANTIQUITY IN ACCOUNTS OF ANCIENT AND MODERN AUTHORS

O. I. KHANKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the political and social system of the Greek classical *polis* (V–IV centuries BC) and the Roman republican *civitas* (V–I centuries BC), which are called the civil community in antiquity studies of modern era. *Polis* and *civitas* reproduced a three-part model of governance, which was usual for the primary society, in the form of a council of elders, a people's congress and officials, or magistrates, which were bearers of military and civil authority. The democratic traditions of the *polis* and *civitas* were embodied in the principles of election, collegiality and regular replacement of all branches of power, as well as in the ways of adopting laws and forms of protection of the rights and interests of full members of the *polis* community – citizens (Greek πολίτης, Latin *civis*). The study of the problem stated in the title of this article is based on the active use of evidence of historical and legal sources of antiquity, as well as modern accounts of the political democracy of European antiquity. The general conclusion of the author is the proposition that the Greek classical *polis* and the Roman republican *civitas* bequeathed to humanity three great ideas – citizenship, republicanism and democracy. The world-wide significance of these ideas lies in the fact that the ancient Greeks and Romans were able to realize them into practice.

Key words: polis; civitas; republic; democracy; citizen; civil law.

Введение

Греческий классический полис и римская республиканская *civitas* второй половины I тыс. до н. э. (эпоха классической Античности) являлись по своему устройству гражданской общиной, конституировавшей себя в качестве государства, или города-государства (современное полисное государство). В рамках этого государства сформировались такие важнейшие составляющие демократии, как выборная форма власти (лат. *res publica*), институт гражданства (греч. πολίτης, лат. *civis*) и гражданское право (лат. *ius civile*). Историко-политическая мысль нового и новейшего времени постоянно обращается к греко-римским истокам демократии, главные принципы и институты которой неизменно воспроизводятся и в современном мире. «В истории государства возврат политических форм в исходное состояние..., – отмечает И. А. Исаев, – не редкость. Наполненные новым содержанием, эти формы способны чередоваться и повторяться по своим собственным законам» [1, с. 3]. Исторические разновидности государства описали в IV в. до н. э. Платон и Аристотель (Стагирит), положив в основу своей классификации определенные формы власти. Сам

термин государство еще не был известен, и перевод трудов античных авторов с использованием этого слова является, по сути, модернизацией (в оригинале *πολιτεία* у греков и *res publica* у римлян). Тем не менее обращение к вопросам государственного устройства стало с эпохи Платона и Аристотеля общепринятым при рассмотрении различных политических режимов. Существует, однако, проблема соответствия выработанных в античности концептов «республика», «демократия», «гражданин», «народ» и других современным аналогам, что и станет одним из аспектов нашего анализа. Центральное место в нем займут оценки достоинств и недостатков полисной демократии, принадлежащие представителям политико-правовой теории древности. Нас интересуют также и те интерпретации общественных процессов классической античности, которые существуют в современном антиковедении. На протяжении веков оценка античной демократии была результатом, как справедливо отмечает Л. П. Маринович, конкретной исторической ситуации – «от пиетета по отношению к ней до критики и неприятия» [2, с. 10].

Основная часть

Понимание сущности государства у теоретиков античности опирается на представления об общем благе (лат. *commune bonum*), которое несет своим подданным та или иная форма власти. С этим и связано предложенное Аристотелем разделение известных ему политических систем на правильные (в современном понимании справедливые: монархия, аристократия и демократия) и отклонения от них в виде тирании, олигархии и радикальной де-

мократии (греч. *οχλοκρατία*) (Политика, III, 5, 1–4; IV, 2, 1–5) [3]. Все известные афинские историки, философы и писатели отрицательно относились к охлократии, которая является, по замечанию Стагирита, той же тиранией, «только разделенной среди многих» (Политика, V, 8, 21). Наиболее совершенной этот мыслитель считал умеренную демократию, для обозначения которой он ввел термин *полития* (аналог – римская *цивitas*). В политии

«правит большинство в интересах общего блага», а государственным благом является «справедливость, которая служит общей пользе» (Политика, III, 7, 1). Римские писатели и правоведы выразили понятие полития словосочетанием *res publica* в значении «власть как забота всех граждан об общем благе». Эта концепция общепольности власти стала основополагающим принципом идеологии и практики полисного государства европейской античности, полноправные члены которого назывались гражданами. Интеграция в полисный социум, т. е. в сообщество «своих», являлась необходимым условием личной свободы и полноправия человека той эпохи. Само слово «цивилизация» возникло как результат противопоставления *полиса* и *цивитас* отсталым племенам, варварам. Заметим, что огромная первобытно-племенная (условно – варварская) периферия передовых очагов античной цивилизации являлась для них источником сельскохозяйственной продукции, сырья и рабов.

В греческом полисе и римской *цивитас* произошло отождествление институциональной власти с потестарной системой общины: в каждой из них существовали сход членов, совет старейшин и выдвинутые из общинной среды лица, выполнявшие функции управления. В ряде древних регионов община как естественно сложившаяся форма социальной организации развивалась в виде гражданско-храмовых (центр – храм) и гражданско-муниципальных (центр – город) автономных политических единиц. Определение подобных общностей в качестве гражданских объясняется тем, что собрание полноправных членов являлось в них верховным органом власти [4]. В формирующемся государстве родоплеменные структуры и общинные потестарные органы трансформировались в административно-территориальные округа (*демы* в Афинах, *трибы* в Риме) и политические институты. Древнегреческая и древнеримская цивилизации – децентрализованная общинно-гражданская политическая система (современные *миросистема*, *пан-ойкуменическая система*), состоявшая из сотен автономных городов-государств. Полисная гражданская община как разновидность такого государства строилась по традиционной модели: совет старейшин (*совет 500* в Афинах, *герусия* в Спарте, *сенат* в Риме), должностные лица (*магистраты*) с полномочиями в гражданской и военной сферах управления, народное собрание (*экклесия*, *апелла* и *комиции* соответственно) с потестарными, законодательными и судебными функциями. Такая идущая от общины система власти наиболее полно воплотилась в римской *цивитас*, которая удачно соединила, по утверждению Полибия (II в. до н. э.), три важнейших политических начала. Демократическое начало существовало в форме *комиций*, где народ голосованием утверждал законы и кандидатов на магистратские должности. В условиях

концентрации населения на небольшом пространстве города-государства управление опиралось на непосредственную близость народа к власти, территориальная доступность которой делала возможным участие в жизни родной общины всех граждан. Именно народное собрание выступало в полисе и *цивитас* носителем государственного суверенитета, являясь источником и власти, и права. Аристократический элемент *цивитас* воплотился в действовавшем на постоянной основе сенате, выполнявшем, по сути, функцию госсвета. Наконец, наделенные империем консулы олицетворяли монархическую власть. Вывод Полибия сводится к тому, что именно такое соединение властных институтов позволило Риму подчинить все народы Западного и Восточного Средиземноморья и создать самую крупную державу древности – Римскую империю (Полибий, VI, 2, 3; 5–9) [5]. Эта концепция смешанной формы правления как наилучшего государственного строя наиболее полно была обобщена в трактате Цицерона (I в. до н. э.) «О государстве» (I, 69–70), возродившись столетия спустя в политических теориях Нового времени [6].

Внутренняя жизнь полисного государства основывалась на собственных законах (греч. *αὐτονομία*), т. е. это была самоуправляемая автономная структура, полноправные члены которой (в источниках – *народ*) голосованием легитимировали предложенные советом и магистратами законопроекты (лат. *rogatio*). Цицерон, анализируя политические реалии позднереспубликанского Рима, писал: «Государство (в оригинале – *res publica*) есть достояние народа, но народ на любое соединение людей, связанных между собой произвольно», а соединение многих людей, «объединенных согласием в вопросах права и общностью интересов» (О государстве, I, 25, 39). Специфика состояла в том, что собирательное понятие *народ* (греч. *λαός, δῆμος*, лат. *populus, plebs*) применялось только к наделенным правом голоса и членством в ополченческой дружине гражданам-мужчинам. В Афинах, к примеру, при общей численности населения в несколько сотен тысяч человек (точная статистика отсутствует), гражданами являлись приблизительно 35–45 тысяч. Отсюда определение античного полиса как корпоративной социальной системы, в которой гражданский коллектив являл собой своеобразную замкнутую касту, державшую в своих руках всю власть. Другими словами, *народ-граждане* и избранные из их среды органы управления олицетворяли собой ту публичную власть, которая является дифференцирующим признаком любого государства. Община граждан, полноправные члены которой выступали в роли суверенного, а значит – правомочного в своих решениях коллектива, растворила в себе, по мнению современных исследователей-антиковедов, государственные функции. Проиллюстрируем это на таком примере. Полисное государство

в качестве независимого политического образования было самостоятельным субъектом международных отношений. Но в юридических документах, прежде всего в текстах межполисных соглашений, фигурируют не Афины или Спарта, а полис афинян и полис спартиатов. То есть правовым субъектом во внешних сношениях было не государство, а его граждане. «Именно колоссальной важностью категорий гражданина и гражданства..., – подчеркивает И. Е. Суриков, – обуславливались основные особенности полисного типа государственности» [7, с. 41].

Аристотель, наш главный «референт» по рассматриваемой теме, пишет: «Демократия обыкновенно определяется двумя признаками – сосредоточением верховной власти в руках большинства и свободой». Свобода проявляется, продолжает Стагирит, «в отношениях равенства, равенство же в свободе именуется справедливостью» (Политика, III, 6, 4; V, 7, 22). Характеризуя полисную демократию, античные авторы обычно используют слова *ἰσονομία* в значении «сам себя организующий народ» и *ἰσοκρατία* в значении «равновластование». Напомним, что полисное равенство было корпоративным равенством «своих», оно не может быть, по замечанию М. В. Ильина, «редуцировано до всенародности» [8, с. 322]. Равное право полисных граждан участвовать в голосовании (лат. *ius suffragium*) и быть избранным в ту или иную магистратскую коллегию (лат. *ius honorum*) являлось, по современным понятиям, активным и пассивным избирательным правом. Возможность же лично, без какого-либо представительства, решать все вопросы жизни своего государства была обусловлена его небольшими размерами. В противном случае народное собрание, как главный институт прямой демократии, не могло бы представлять всю гражданскую общину. Когда Рим, один из десятков других городов-государств Италии, подчинил их своей власти, число граждан римско-италийского конфедеративного государства возросло с 400 до 900 тыс. человек. По причине территориальной удаленности новых граждан от римского форума даже в самых представительных собраниях участвовал, по подсчетам Х. Моуритсена, только один гражданин из нескольких десятков [9, р. 32, 128]. В итоге решения римских комиций или не отвечали интересам большинства населения Италии, или шли вразрез с этими интересами. Далее, обладая полным набором гражданских статусов, италики не участвовали в распределении завоеванной в провинциях земли, не могли быть участниками массовых жертвоприношений, праздничных триумфов и публичных зрелищ. В то же время в самом Риме городской плебс уже откровенно торговал своими голосами, требуя «хлеба и зрелищ». Подвоз зерна из провинций и его распродажа по сниженной цене – один из приемов политической агитации со стороны претендентов на магистратские должности. Своеволие же господ-

ствующей над законами толпы «порабощает, – по замечанию Аристотеля, – любую демократию» (Политика, V, 8, 21). Стагириту вторит Платон, предупреждавший «от безграничной свободы», которая порождает в итоге «величайшее и жесточайшее рабство» (Государство, VIII, 564a) [10]. Рассуждая о неустойчивости демократии, эти мыслители описали немало примеров, когда в результате политической агитации демагогов (греч. *δημαγωγός* изначально – «вождь демоса») собравшаяся на агоре толпа начинала перекраивать принятый закон или подвергать ostracismu негодных ей политиков. Но и в период расцвета республиканской *цивитас* римский народ не имел в отличие от афинского демоса реальной возможности контролировать деятельность сената и магистратов, являвшихся в идеале выразителями его воли. После завершения межсословной борьбы (начало III в. до н. э.) в Римской республике сложилась система аристократических магистратур, замещавшихся исключительно из числа нобилей (лат. *nobilis* – знатный). Это «сводило на нет, – по словам К. Николе, – демократические потенции, заложенные в комициях» [11, с. 98]. При этом постановления народных собраний, содержавшие преамбулу «Совет и народ постановили», исполнять формально должен был сам народ.

Степень демократичности афинского полиса, олигархической Спарты и аристократической римской *цивитас*, на примере которых мы анализируем заявленную в названии проблему, была разной, но всех их роднит выборная и коллегиальная форма власти. Непосредственное участие народа-граждан в общественной и политической жизни, формирование из его состава войска и подотчетных народному собранию органов управления обусловило, по наблюдению Г. С. Кнабе, отсутствие в полисе и *цивитас* «отчужденной от повседневного существования граждан, от их непосредственных интересов государственной сферы». Политика носила в тех исторических условиях не персональный, а групповой характер, воплощаясь, по словам ученого, в прямых, очевидно мотивированных формах [12, с. 15–16]. Исполнительная власть в полисном государстве была основана на выборности (голосованием или жеребьевкой), коллегиальности (от двух до нескольких десятков членов одной коллегии) и подотчетности народному собранию. Механизм действия такой коллективной власти был основан на принципе консенсуса: если одного из членов коллегии решение по каким-то причинам не устраивало, он блокировал его фразой *veto* (я протестую). Магистраты считались носителями делегированного коллективом общины суверенитета, что нашло отражение в латинском названии такой власти (*honor* в значении почетная общественная обязанность).

В Римской республике исполнение магистратур не оплачивалось, поэтому представители нобили-

тета регулярно выдвигали из своей среды, как было отмечено, кандидатов на высшие должности консула и претора. В Афинах должностной оклад *архонта* (общее наименование греческих магистратов) приравнялся к заработку ремесленника, хотя исполнение служебных обязанностей требовало немалых личных затрат и усилий. Все это делало государственную службу недоступной для людей, вынужденных своим трудом добывать средства к существованию. Официально сословный и имущественный цензы для занятия магистратских постов отсутствовали, однако заставить многотысячную аудиторию слушать, а тем более убедить ее в чем-то, мог только подготовленный и опытный оратор. Неудивительно, что, рассказывая о процедуре проведения массовых агитационных кампаний, писатели древности называют присутствовавших на них рядовых граждан «зрителями речей». Поэтому в период расцвета полисного государства демократия имела, как правило, аристократических лидеров, которые активно отстаивали и защищали ее, опираясь на свои богатство и обширную политическую клиентелу. Клиенты поддерживали законопроекты своего лидера и защищали его интересы в судебных тяжбах. Суды и народное собрание были, по словам Т. В. Кудрявцевой, в то время главной ареной политической борьбы [13].

Проводилась политика раздробления полномочий магистратов в целях привлечения в исполнительную власть как можно большего числа граждан. Многофункциональность такой власти отражена в разных вариантах ее терминологической маркировки: *κράτος*, *ἀρχή*, *ἡγεμονία*, *κύριος* – у греков, *potestas*, *auctoritas*, *iurisdictio*, *imperium* – у римлян. Понятие империй означало совокупные полномочия высших должностных лиц в гражданской и военной сферах управления (*стратеги* в Афинах, *консулы* в Риме). Одной из главных особенностей политической организации рассматриваемой эпохи являлось тесное переплетение административно-управленческих, судебных и военных функций власти. Вот как объясняет отсутствие полного разделения должностных полномочий Аристотель: «В небольших государствах по необходимости приходится сосредоточивать в руках немногих граждан много должностей...» (Политика, IV, 12, 5). Для распределения этих должностей «по достоинству» граждане должны были быть знакомы друг с другом, чтобы знать, «какими качествами они обладают» (Политика, III, 4, 7). Действительно, из рассказов древних писателей явствует, что участники массовых сходов (лат. *contiones*), предварявших электоральные комиции, хорошо знали своих лидеров. И если кто-то из них получал отрицательную характеристику, он вынужден был тут же снять свою кандидатуру (в буквальном значении –

снять с себя белую тогу кандидата – лат. *candida*). Для общественного сознания того времени, отмечает С. Л. Утченко, «качества политика всегда были неотделимы от человеческих», поэтому выступавшие на таких агитационных сходах оппоненты «не гнушались личными нападками, не разграничивая частных и политических обвинений» [14, с. 65–66]. Противоположный принцип формирования органов власти – «по количеству» – тоже выглядел вполне демократично, поскольку он соответствовал девизу «верховная власть должна принадлежать всем в равной степени» (Политика, VI, 1, 10). Надо полагать, такой уравнилельный подход опять же связан с изначальным равенством членов общинного сообщества.

По истечении срока полномочий магистрат отчитывался перед собранием о своих действиях. Плутарх рассказывает, что признанный глава афинского полиса, стратег Перикл (эту должность он занимал с 443 по 429 гг. до н. э.), тщательно готовился к ежегодному отчету, не допуская к себе даже друзей (Плутарх, Алкивиад, 7) [15]. В случае превышения должностных полномочий или проявления магистратом «корысти и личных симпатий»¹ он строго наказывался вплоть до изгнания из родного полиса (греч. *ὀστρακισμός* – остракизм). Особым средством ограничения магистратского волюнтаризма были «жалобы на противозаконие» (греч. *γραφὴ παρανόμων*). В соответствии с этим правом любой афинский гражданин, пользуясь свободой слова, мог выступить в собрании с заявлением, что вотируемый демосом закон или противоречит существующему законодательству, или принят с нарушением установленного порядка. На период разбирательства действие оспоренного закона приостанавливалось, и в случае правомерности жалобы он кассировался, а его автор наказывался крупным штрафом. Названные меры являлись, выражаясь современными категориями, средством защиты конституционного строя афинского полиса, его демократических начал, включая и свободу речи.

Религиозная функция организации социального пространства в полисном государстве не была отделена от политики: языческое жречество входило в систему его властных институтов. Помимо сакральных (лат. *sacer* – священный) жрецы выполняли и общественные обязанности, поскольку в тех исторических условиях «служение богам и Риму совпадали» [16, с. 94]. Право жрецов-предсказателей, авгуров, узнавать путем публичных гаданий отношение небожителей к земным делам являлось, по сути, религиозной экспертизой политической жизни. Сославшись на неблагоприятные знамения, авгуры могли приостановить голосование в комициях или вообще отменить его результаты. «Как во внутренних делах, так и во внешних, – восклицает

¹Фраза Аристотеля.

Цицерон, – никому не может представляться законным то, что магистрат предпринял без одобрения авгуров» (О законах, III, 31). Фециалы, объединенные в коллегию из двадцати человек (жреческие коллегии пополнялись путем кооптации), занимались в республиканском Риме вопросами внешней политики. Понтифики вели календарь и заведовали сакральным правом: следили за порядком проведения религиозных обрядов и жертвоприношений, выполняли посреднические функции в брачно-семейных отношениях. О мнении интеллектуальной элиты цивитас о священном праве можно судить по следующим словам Цицерона: «Божественное право (*ius divinum*) имеет преимущество над человеческим, поскольку нередко законы людей не отвечают принципам справедливости» (Об обязанностях, III, 23) [17]. Наблюдения за атмосферными явлениями и поведением животных, гадания и предсказания – основа деятельности языческих жрецов в качестве религиозных экспертов, обеспечивавших сакральную базу легитимности любых политических, общественных и военных акций.

Современные исследователи отмечают специфику римского социального менталитета, которому были присущи религиозное благочестие (*pietas*) и строгое следование заветам предков (*mores maiorum*). Эти заветы представляли собой глубоко укорененный в сознании людей набор жизненных установок и правил, которые «народ утверждал своими делами и действиями» (Дигесты Юстиниана, I, 32) [18]. Й. Хёйзинга образно характеризует формы «поисков римлянами божественного покровительства» как ритуалы, «пахнувшие землей и дымом домашнего очага» [19, с. 197]. Тем более удивительно, как быстро право этого народа, приобретя автономию по отношению к другим формам социальной регуляции, превратилось в главную интегрирующую силу древнеримского социума. *Ius civile* декларировало те социально-личностные качества образцового гражданина, которые много столетий спустя воспроизвел византийский император Юстиниан (VI в.) в своем грандиозном своде римского права: *honeste vivere* (честно жить в значении соответствовать образцу достойного гражданина), *alterum non laedere* (никому не вредить), *suum cuique tribuere* (каждому воздавать должное) (Дигесты Юстиниана, I, 10, 1). Показателен в этом плане римский институт *fides* (вера, доверие) как нравственный долг всех людей выполнять взятые на себя обязательства – принцип, ставший, по словам Цицерона, основой римской Юстиции (О законах, II, 8, 22; Об обязанностях, I, 23). Справедливому правосудию, персонифицированному в образе греческой богини Дике и римской Юстиции, отводилось одно из главных мест в шкале общеполитических социальных ценностей. Примечательно, что Аристотель связывал установление демократии в Афинах именно с введением массового народного суда

(*гелиэи*), в который имели доступ все граждане, достигшие тридцатилетнего возраста (Политика, II, 9, 2–3; Афинская политика, IX, 1).

Законы XII таблиц (V в. до н. э.) также свидетельствуют о существовании в раннереспубликанском Риме публичного разбирательства по гражданским спорам. Процесс состоял тогда из обрядово-ритуальных действий, сопровождавшихся произнесением формул правового содержания – *iuris dicere* (отсюда – юрисдикция). Непременным элементом акта юрисдикции являлась священная клятва – *ius iurandum fidei*. Произносивший ее брал на себя обязательство придерживаться предписанных богами и правом норм поведения. Нарушение клятвы расценивалось как неисполнение этих обещаний, и виновный мог быть безнаказанно убит в соответствии с заменявшей судебный приговор религиозной нормой *sacer esto* (да будет жертвой богам подземного мира) (Законы XII таблиц, 21) [20]. Е. М. Штаерман объясняет исключительное значение в разрешении гражданских споров присяги и клятв «свойством общинных отношений, традиции и установок которых сохранялись и в позднейшие времена» [21, с. 211]. С возникновением исковой формы защиты прав римлянин, приговоренный судом магистрата к смертной казни, обладал уже возможностью апелляции к народному собранию (*provocatio ad populum*) с просьбой о смягчении наказания. По мере развития делового оборота и связанных с ним правоотношений главным источником которых были частные соглашения (лат. *contractus*), обязанности сторон и в данном случае строились на основе принципа *bona fidei*, т. е. добрых намерений.

Священная клятва являлась инструментом регулирования и патрон-клиентских отношений личного характера, подтверждала добросовестность намерений сторон такого союза. Нарушение патроном обязательств в отношении клиента, выполнявшего в его пользу разнообразные повинности, предполагало санкцию в виде *инфамии*, т. е. гражданского бесчестья. Инфамия выступала в качестве не только этической, но и правовой категории, поскольку ее следствием была редукция гражданского статуса нечестного патрона (Дигесты Юстиниана, XXVI, 1–10). Простота оформления частных соглашений обусловила то обстоятельство, что самые разнообразные союзы личного характера стали облекаться в форму патроната, в том числе и во взаимоотношениях с жителями других государств. Прочность подобных вертикальных связей подчинения и покровительства наиболее ярко проявилась в личной власти (*potestas*) глав разветвленных патриархальных кланов, что и воспрепятствовало, по мнению антиковедов, становлению в цивитас демократии афинского типа. Главным же итогом выработки правовых форм общения явилось формирование свободного и автономного индивида, которого право стало рассматривать в социально

значимых проявлениях. Суть понятия гражданин в том и состоит, что впервые в истории общества возникла юридическая форма фиксации индивидуальных прав лица (лат. *persona*) и выработаны способы защиты этих прав. «Задача права, – говорит Цицерон, – защита низших от высших, поскольку и те, и другие равны перед законами и одинаково ими обуздываются» (Об обязанностях, II, 12, 41).

И в греческом языке, и в латинском свобода человека положительным образом определялась через его принадлежность к гражданской общине. Римское право фиксировало эту принадлежность с помощью конструкции *status civitatis*, т. е. статус гражданства, который вместе со статусом свободы (*status libertatis*) и статусом семьи (*status familiae*) формировал правовую ипостась личности. Термин *status* (состояние) ученые-антиковеды считают исходным субстратом (протопонятием) термина государство (в новоевропейских языках – *state, staat, stato, estado, état*) [22, с. 7]. Совокупность гражданских статусов формировала объем прав лица в области публичного и частного права, определяя в итоге его место в общественной иерархии. Так полисный социум стал представлять собой систему опосредованных правом общественных связей, что и превращало его в гражданское общество. Определяя гражданскую общину как совокупность людей, «связанных между собой общими правами и законами», утверждающими справедливое общественное устройство, Цицерон уточняет: справедливость «обеспечивает согражданам неприкосновенность их имущества» (О законах, I, 7, 23; О государстве, I, 23, 49; 49; III, 33). Об этом же писал и афинский оратор Демосфен (IV в. до н. э.): Афины управляются законами, которые являются результатом соглашения народа (в оригинале – демоса) (Речь против Тимократа, XXIV, 152; XXV, 16) [23]. Для афинских демократов идея власти закона подразумевала, по словам Л. П. Маринович, «защиту граждан от произвола магистратов, гарантию участия демоса в государственных делах, свободу частной жизни» [2, с. 80]. Регулируемая правом сфера частной жизни была основана на принципе свободы действия, которая в классических Афинах стала восприниматься и как политическая ценность (составляющая системы гражданских свобод и в современном мире). Важнейшим достижением античной демократии стал законодательный запрет порабощения сограждан, что предотвращало характерную для древневосточных государств массовую эксплуатацию свободного населения. Выход, как известно, был найден за счет рабов-иностранцев, главным источником которых были работорговля и войны.

Изначально субъектами внутреннего права римской *civitas* являлись только сами граждане, что и предопределило его название – *ius civile*, т. е. право граждан (Дигесты Юстиниана, I, 3, 40). *Ius civile* имело у римлян и другое название – *ius privatum*, т. е.

частное право, что было обусловлено предметом его регулирования (личные права и интересы граждан). «Частный человек, человек вообще, – отмечает Д. В. Дождев, – обладает какими-либо правами только как *гражданин* и только как участник существующего в данном обществе правового общения становится частным *лицом*, формальным субъектом права» [24, с. 107]. Гражданское право декларировало свободу каждого полноправного члена полисной общины, его право на индивидуальные действия в частной жизни: вступать в законный брак (*matrimonium iustum*), свободно распоряжаться собственным имуществом (передавать по наследству, сдавать в аренду, отчуждать путем продажи или дарения), наконец, защищать свои права в судебном порядке. Такими правами были наделены только главы индивидуальных домохозяйств, квалифицируемые как «люди своего права» (*personae sui iuris*) (Дигесты Юстиниана, 50, 16, 39) [25]. «Античный полис представлял собой, – подчеркивает А. В. Махлаук, – интегрированное общество, в котором в неразрывном единстве существуют статусы гражданина, воина, земельного собственника и отца семейства, что особенно важно для римлян с их институтом отцовской власти» [26, с. 180]. *Patria potestas* характеризуется в современной романистике как краеугольный камень римского семейного права, поскольку отцовская власть над подвластными не только гарантировала им защиту и покровительство, но и обеспечивала стабильность общественной системы в целом. Материальную независимость и самостоятельность в сфере гражданского оборота (*commercium*) домовладыке давала собственность (*dominium, proprietas*). И в Греции, и в Риме четко прослеживается землевладельческая основа гражданского состояния – это было государство, управлявшееся совладельцами земельного фонда общины. На страже имущественных интересов граждан стояла вся система власти полисного государства. Вступая в должность (ежегодная процедура), и судьи-гелиасты, и архонты-магистраты давали клятву «не поддерживать требований отмены частных долгов, передела земли и домов граждан» (Демосфен. Речь против Тимократа, XXIV, 149). Категорию частной собственности в качестве юридического института разработали римские и византийские правоведы, которые определили *dominium* как абсолютное право лица на собственное имущество (в римском праве это разновидность прав на вещи) с широкими распорядительными полномочиями относительно судьбы этого имущества.

Частноправовая природа Римского государства проявилась в той функции, которую выполняли в организации социального пространства главы семейных кланов, старосты общинно-административных округов, предводители (греч. ἡγεμόνος, лат. *princeps*) частных союзов и коллегий. Анализи-

руя социальный срез античной культуры, Г. С. Кнабе отмечает, что человек античности никогда не выступал как изолированный индивид, самостоятельно определявший свое частное и общественное поведение, он всегда принадлежал к небольшому человеческому единству – местной общине, деловой (коммерческой) или профессиональной коллегии, дружескому кружку, группе поддержки политического деятеля [27, с. 139]. По сути, полисное сообщество представляло собой сеть пересекавшихся кланово-родственных, соседских (в городах – поквартальных), земляческих, профессиональных и дружеских приватных объединений, для маркировки которых была выработана лексически дифференцированная терминология. Подобные союзы, коллегии и братства характеризовались, как правило, социальной однородностью, что объясняется наличием у компаньонов общих жизненных ценностей и интересов. В области политики это были клиентельно-амикальные (*amicitia* – дружба) союзы сторонников крупных государственных деятелей, которые в Риме назывались партиями (лат. *pars, partes*) с добавлением имени их лидера: партия Помпея, партия Клодия и т. п. [14, с. 64]. Участники афинских *симпосионов* развлекались пением, интеллектуальными играми, представлениями танцоров и мимов. Спартанские коллективные трапезы, *сисситии*, являлись своеобразными мужскими клубами, в которых царил дух воинского братства и вырабатывался определенный стиль поведения граждан в мирное и военное время. По утверждению Плутарха, основатель спартанского полиса Ликург «приучил сограждан не желать и не уметь жить отдельно от других», но, «подобно пчелам..., собираться вокруг своего гегемона» (Ликург, 25) [28]. Показательно наличие в среде городской бедноты и так называемых *collegia tenuiorum*, создававшихся в целях взаимовыручки, а в случае необходимости – погребения члена коллегии в соответствии с положенными в таких случаях обычаями. К подобным объединениям «малых людей» относились и формировавшиеся на основе благотворительности религиозные братства (лат. *sodalitates*), в том числе и раннехристианские общины. Анализируя подобные формы коммуникации, исследователи-антиковеды говорят о том, что даже разлагаясь, община оставалась своеобразным эталоном связей между людьми, связей, основанных на чувствах солидарности, взаимной поддержки и коллективизма [29; 30].

В греческих городах-государствах допуск извне в гражданский коллектив носил характер редких поощрительных актов за особые заслуги перед полисом. Сохранились высеченные на твердых носителях официальные надписи (наиболее аутентичный вид письменных источников) с текстом постановлений афинской *экклесии* о предоставлении гражданства *метекам* и чужеземцам – *ксенам*.

Имело место и незаконное проникновение в списки граждан новых членов. Такие списки велись по *демам*, т. е. административным округам, которые играли главную роль в функционировании афинской демократии. Руководители *демов*, *демархи*, принимали в число граждан сыновей *демотов*, управляли общественным имуществом, проводили местные собрания. Судебные ораторы Греции свидетельствуют о периодических проверках состава граждан и об исключении из списков лжеграждан. С принятием в середине V в. до н. э. специального закона, требовавшего подтверждения факта происхождения от родителей-граждан, судебные процессы по оспариванию гражданского статуса участились. Исключенный из списка имел право подать в *гелию* жалобу, после рассмотрения которой проситель или восстанавливался в гражданских правах, или обращался в раба (Аристотель. Афинская политика, 26, 3; Плутарх. Перикл, 37). Законы XII таблиц также свидетельствуют о существовании в римской *цивитас* уже в V в. до н. э. споров о свободном или рабском состоянии того или иного лица. В эпоху же Поздней республики широкое распространение получила практика наделения ограниченным гражданским статусом не только отпущенных на волю рабов (лат. *libertini*), но и жителей союзных общин, связанных с Римом «дружбой, торжественными обязательствами или соглашением» (Цицерон. За Бальба, XII, 29; перевод В. О. Горенштейна) [31]. Частные соглашения (лат. *hospitium*) предоставляли чужеземцам покровительство римского гражданина, содействовавшего деловым интересам своего гостя, а в случае необходимости – защищавшего его интересы в суде. С возникновением в III в. до н. э. права народов (*ius gentium*), регулировавшего отношения римлян с жителями подвластных Риму провинций, подобные союзы гостеприимства получили юридическое закрепление и стали фиксироваться письменно.

Гражданский коллектив Спарты являлся однородной социальной общностью, представители которой именовались *гомейми*, т. е. равными. Корпоративный дух спартиатов вырабатывался через систему общественного воспитания в военизированных школах-лагерях – *агеллах*. Аристотель усматривал демократизм спартанской общественной системы в том, что в агеллах «дети бедных живут в той же обстановке, что и дети богатых граждан» (Политика, IV, 7, 5). Однако с принятием в 400 г. до н. э. закона эфора Эпитадея, разрешавшего отчуждение движимого и недвижимого имущества граждан, монолитная община гомеев стала быстро разрушаться. «Обезземеливание большей части спартиатов, – пишет Л. Г. Печатнова, – привело к необратимым последствиями и навсегда разрушило единство правящего сословия Спарты» [32, с. 101]. Эксклюзивность спартанской общины была нарушена в процессе кооптации в ее состав новых граждан,

неодамодов, в том числе и из числа рабов, *илотов*. Илотия – особая форма эксплуатации подневольного труда, при которой работники находились в зависимости и от полисного государства, и от частных лиц – спартиатов-гомеев, в пользу которых они должны были делать отчисления сельскохозяйственной продукцией. В античном мире модель социальной дифференциации по линии «завоеватели – покоренное население» имела широкое распространение. Отчасти это объяснялось тем, что основу экономики городских центров составляла земля, которую покоренные племена и обрабатывали. С изданием закона Эпитадея илоты получали свободу и часть гражданских прав в обмен на обязанность нести военную службу. «Греческим полисам, так же как и Риму, – отмечает Л. А. Ельницкий, – свойственно было в периоды военных кризисов и демократических подъемов увеличивать число своих граждан за счет включения в общину освобожденных для этой цели рабов и других неполноценных общественных элементов» [33, с. 47]. Но даже в среде спартанской элиты «равных» появились безземельные граждане, пониженный социальный статус которых отразился в их обозначении – *гипомейоны*, т.е. опустившиеся. Не обладая наследственным клером, они не могли быть членами знаменитой спартанской фаланги и стали служить наемниками в армиях других греческих государств [34].

Важнейшим следствием демократизации полиса и *цивитас* стала ликвидация юридических перегородок в среде граждан, однако социальное неравенство и, как следствие, наличие иерархии общественных позиций, сохранялось. Дифференциация происходила по имущественному (бедные, богатые), сословному (знатные, простонародье), профессиональному (престижные занятия аристократии и физический труд рядовых граждан) и этническому (завоеватели, покоренные племена) критериям. Это означает, что статусно-правовые градации внутри гражданского сообщества (лица своего

и чужого права) сочетались с имущественной и сословно-функциональной стратификацией. «В каждом полисе есть состоятельные граждане и бедняки, поведение которых крайне униженное», – свидетельствует Аристотель (Политика, IV, 9, 3). С эпохи классической античности и до наших дней бытует идея, что демократическая система власти связана с более бедными слоями гражданства, а аристократическая (у Платона и Аристотеля – олигархическая) – с более состоятельными. Со всей ясностью эта идея прозвучала в «Политике» Стагирита: «Там, где власть основана на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия» (Политика, III, 5, 7). Однако совокупные свидетельства письменных источников показывают, что крестьянские хозяйства и ремесленные мастерские (кормильцы всего социума) обладали несколькими рабами, сами же хозяева выступали организаторами трудового процесса, что и давало им возможность принимать активное участие в политической и общественной жизни. Итогом обширной территориальной экспансии греков и римлян, вошедшей в историческую науку под названием колонизация, явилось, с одной стороны, формирование надрегиональной средиземноморской цивилизации, с другой – сохранение слоя мелкого и среднего крестьянства. По подсчетам А. М. Джонса, примерно 10–15 % граждан афинского полиса составляли «подлинные бедняки», примерно столько же – «очень богатые», остальные были «людьми среднего достатка» [35, р. 22]. В данном контексте весьма актуально звучит следующее высказывание Аристотеля: любое государственное устройство будет устойчивым, если его опорой станут граждане среднего достатка, ибо «распри происходят, когда одна часть населения полиса оказывается слишком бедной, а другая, напротив, слишком благоденствует» (Политика, V, 6, 2). Именно граждане среднего достатка и составляли основу полисного ополчения, так как экипировка и содержание воина являлись его собственной заботой.

Заключение

Сохранением традиций равенства членов первичной общины антиковеды объясняют наличие в полисном государстве разного рода социальных программ и политической благотворительности, выполнявших задачу нивелирования неравенства и ослабления противоречий между разными слоями гражданства. Под особым контролем властей находилось продовольственное снабжение городского населения, о чем говорят неоднократно упоминаемые в источниках *фрументарные*, т.е. хлебные законы. В Афинах существовала особая система повинностей, *литургий*, в виде своеобразного налога на богатых граждан, обязанных за свой счет устраивать общеполисные театральные представления

и спортивные состязания (*агоны*), а также оснащать торговые корабли для подвоза в города зерна и другой сельскохозяйственной продукции. В условиях господства состязательной психологии, отмечает А. Л. Смышляев, римские и греческие аристократы, боровшиеся за ведущую роль в политической и общественной жизни городов, «воспринимали свой относительный статус в понятиях общественного признания, т.е. в понятиях репутации, определяя тем самым свое место в социальной иерархии» [36, с. 26–27]. В целях обеспечения реального участия всех членов гражданской общины в политической жизни в ряде греческих полисов государственная деятельность оплачивалась. Более того, чтобы «сти-

мулировать, – по словам Ю. В. Андреева, – все время снижавшуюся политическую активность толпы мастеровых, матросов, мелких лавочников», в Афинах была введена оплата и за участие в работе народного собрания [37, с. 89]. Такая мера, видимо, должна была активизировать также и крестьянское население, которое составляло значительную часть голосующих в афинской экклесии. В I в. до н. э. изменился социальный состав и римских комиций: большинство народного собрания составлял уже не сельский плебс, а деклассированные городские элементы, так

называемая «базарная толпа» (лат. *forensis turba*), не отличавшаяся устойчивостью политических убеждений и легко поддававшаяся подкупу и всякого рода демагогии. Это был уже кризис полисного государства, когда адресные социальные программы сменили чисто популистские методы агитации, связанные с непроизводительными тратами огромных материальных средств. Современные ученые отмечают эту теневую сторону античной демократии, позволявшую честолюбивым политикам манипулировать народом-охлосом [38].

Библиографические ссылки

1. Исаев ИА. Правовая модель для истории. *История государства и права*. 2018;6:3–9.
2. Маринович ЛП. *Античная и современная демократия: Новые подходы*. Москва: ИВИ РАН; 2002. 134 с.
3. Аристотель. *Политика*. Афинская полития. Москва: Мысль; 1997. 459 с.
4. Дьяконов ИМ, Якобсон ВА. Гражданское общество в древности. *Вестник древней истории*. 1998;1:22–29.
5. Полибий. *Всеобщая история*. Том 2: Книги 6–25. Санкт-Петербург: Ювента; 1995. 424 с.
6. Цицерон Марк Туллий. *Диалоги: О государстве. О законах*. Москва: Наука; 1966. 223 с.
7. Суриков ИЕ. *Античная Греция. Политики в контексте эпохи (Архаика и ранняя классика)*. Москва: Наука; 2005. 351 с.
8. Ильин МВ. *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий*. Москва: РОССПЭН; 1997. 432 с.
9. Mouritsen H. *Plebs and Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press; 2001. 164 p.
10. Платон. *Собрание сочинений: в 4 томах. Том 3, часть 1*. Москва: Мысль; 1971. 687 с.
11. Николе К. Римская республика и современные модели государства. *Вестник древней истории*. 1989;3:90–101.
12. Кнабе ГС. Проблема Цицерона. В: Грималь П. *Цицерон*. Москва: Молодая гвардия; 1991. с. 5–20.
13. Кудрявцева ТВ. Тяжущиеся на беме: речи и поведение сторон в афинском народном суде. *Вестник древней истории*. 2008;1:3–18.
14. Утченко СЛ. *Политические учения Древнего Рима. III–I вв. до н. э.* Москва: Наука; 1977. 256 с.
15. Плутарх. *Избранные жизнеописания. Том 2*. Москва: Правда; 1987. 606 с.
16. Штаерман ЕМ. *Социальные основы религии Древнего Рима*. Москва: Наука; 1987. 324 с.
17. Цицерон Марк Туллий. *О старости. О дружбе. Об обязанностях*. Москва: Наука; 1975. 245 с.
18. Кофанов ЛЛ, редактор. *Дигесты Юстиниана: в 7 томах. Том 1*. Москва: Статут; 2002.
19. Хейзинга Й. *Ното Ludens. В тени завтрашнего дня*. Москва: Прогресс; 1992. 464 с.
20. *Памятники Римского права. Законы XII таблиц. Институты Гая. Дигесты Юстиниана*. Москва: Зерцало; 1997. 608 с.
21. Штаерман ЕМ. Римское право. В: Голубцова ЕС, редактор. *Культура Древнего Рима. Том 1*. Москва: Наука; 1985. с. 210–247.
22. Дементьева ВВ, Чеканова НВ. К дискуссии о возникновении римской государственности. В: Дементьева ВВ, редактор. *Политические структуры и общественная жизнь Древнего Рима*. Ярославль: ЯрГУ; 1993. с. 3–9.
23. Демосфен. *Речи: в 3 томах. Том 1*. Москва: Памятники исторической мысли; 1994. 390 с.
24. Дождев ДВ. Методологические проблемы изучения римского права: индивид и гражданское общество. *Вестник древней истории*. 2003;2:91–112.
25. Кофанов ЛЛ, редактор. *Дигесты Юстиниана: в 7 томах. Том 7, полутом 2*. Москва: Статут; 2005.
26. Махлаюк АВ. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата. В: Дементьева ВВ, Суриков ИЕ, редакторы. *Античный полис*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского; 2010. 226 с.
27. Кнабе ГС. *Древний Рим – история и повседневность*. Москва: Искусство; 1986. 207 с.
28. Плутарх. *Избранные жизнеописания. В 2 томах. Том 1*. Москва: Правда; 1987. 589 с.
29. Штаерман ЕМ. *История крестьянства в древнем Риме*. Москва: Наука; 1996. 204 с.
30. Голубцова ЕС. *Община, племя, народность в античную эпоху*. Москва: Наука; 1998. 253 с.
31. Цицерон Марк Туллий. Речь в защиту Л. Корнелия Бальба. *Вестник древней истории*. 1987;2:235–252.
32. Печатнова ЛГ. Гипомейоны и мофаки (структура гражданского коллектива Спарты). *Вестник древней истории*. 1993;3:100–115.
33. Ельницкий ЛА. *Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII–III вв. до н. э.* Москва: Наука; 1964. 287 с.
34. Маринович ЛП. *Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса*. Москва: Наука; 1975. 277 с.
35. Jones AM. *Athenian Democracy*. Oxford: Basil Blackwell; 1957. 198 p.
36. Смышляев АЛ. Суд наш есть дело чести, есть дело подвига и дело славы (судебный поединок как дело чести в Древнем Риме). *Юридические записки*. 2011;1(24):25–31.
37. Андреев ЮВ. *Цена свободы и гармонии: несколько штрихов к портрету греческой цивилизации*. Санкт-Петербург: Алетей; 1998. 434 с.
38. Карпюк СГ. Роль толпы в политической жизни архаической и классической Греции. *Вестник древней истории*. 2000;3:3–35.

References

1. Isaev IA. Legal model for history. *History of state and law*. 2018;6:3–9. Russian.
2. Marinovich LP. *Antichnaya i sovremennaya demokratiya: Novye podkhody* [Ancient and modern democracy: New approaches]. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; 2002. 134 p. Russian.

3. Aristotle. *Politika. Afinskaya politiya* [Politics. Constitution of the Athenians]. Moscow: Mysl'; 1997. 459 p. Russian.
4. D'yakonov IM, Yakobson VA. Ancient Civil Society. *Journal of Ancient History*. 1998;1:22–29. Russian.
5. Polibius. *Vseobshchaya istoriya. Tom 2: Knigi 6–25* [General History. Volume 2: Books 6–25]. Saint Petersburg: Yuventa; 1995. 424 p. Russian.
6. Cicero Marcus Tullius. *Dialogi: O gosudarstve. O zakonakh* [Dialogues: Republic. Laws]. Moscow: Nauka; 1966. 223 p. Russian.
7. Surikov IE. *Antichnaya Gretsia. Politiki v kontekste epokhi (Arkhaika i rannyya klassika)* [Antique Greece. Politicians in the context of the era (Archaic and early classics)]. Moscow: Nauka; 2005. 351 p. Russian.
8. Il'in MV. *Slova i smysly. Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatii* [Words and Meanings. Experience in describing key political concepts]. Moscow: ROSSPEN; 1997. 432 p. Russian.
9. Mouritsen H. *Plebs and Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press; 2001. 164 p.
10. Platon. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom 3, chast' 1* [Collected Works: in 4 volumes. Volume 3, part 1]. Moscow: Mysl'; 1971. 687 p. Russian.
11. Nikolet C. [Roman Republic and Modern State Models]. *Journal of Ancient History*. 1989;3:90–101. Russian.
12. Knabe GS. [The Cicero Problem]. In: Grimal' P. *Tsitseron* [Cicero]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1991. p. 5–20. Russian.
13. Kudryavtseva TV. [Defendants on a *bema*: Speeches and Behavior of the Parties in the Athenian People's Court]. *Journal of Ancient History*. 2008;1:3–18. Russian.
14. Utchenko SL. *Politicheskie ucheniya Drevnego Rima. III–I vv. do n. e.* [Political doctrines of Ancient Rome. III–I centuries BC]. Moscow: Nauka; 1977. 256 p. Russian.
15. Plutarch. *Izbrannye zhizneopisaniya. Tom 2* [Selected biographies. Volume 2]. Moscow: Pravda; 1987. 606 p. Russian.
16. Shtaerman EM. *Sotsial'nye osnovy religii Drevnego Rima* [Social Foundations of the Religion of Ancient Rome]. Moscow: Nauka; 1987. 324 p. Russian.
17. Cicero Marcus Tullius. *O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh* [Old age. Friendship. Duties]. Moscow: Nauka; 1975. 245 p. Russian.
18. Kofanov LL, editor. *Digesty Yustiniana: v 7 tomakh. Tom 1* [Justinian's digest: in 7 volumes. Volume 1]. Moscow: Statut; 2002. Russian.
19. Huizinga J. *Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow: Progress; 1992. 464 p. Russian.
20. *Pamyatniki Rimskogo prava. Zakony XII tablits. Institutsii Gaya. Digesty Yustiniana* [Monuments of Roman law. Laws of the XII tables. Institutions of Gaius. Justinian's digest]. Moscow: Zertsalo; 1997. 608 p. Russian.
21. Shtaerman EM. [Roman law]. In: Golubtsova ES, editor. *Kul'tura Drevnego Rima. Tom 1* [Culture of Ancient Rome. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1985. p. 210–247. Russian.
22. Dement'eva VV, Chekanova NV. [To the discussion about the origin of Roman statehood]. In: Dement'eva VV, editor. *Politicheskie struktury i obshchestvennaya zhizn' Drevnego Rima* [Political structures and social life of Ancient Rome]. Yaroslavl': Yaroslavl' State University; 1993. p. 3–9. Russian.
23. Demosthenes. *Rech'i: v 3 tomakh. Tom 1* [Speeches: in 3 volumes. Volume 1]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli; 1994. 390 p. Russian.
24. Dozhdev DV. Methodological problems of the study of Roman law: individual and civil society. *Journal of Ancient History*. 2003;2:91–112. Russian.
25. Kofanov LL, editor. *Digesty Yustiniana: v 7 tomakh. Tom 7, polutom 2* [Justinian's digest: in 7 volumes. Volume 7, semi-volume 2]. Moscow: Statut; 2005. Russian.
26. Makhlayuk AV. [Polis-republican structures and traditions in the epoch of the principality]. In: Dement'eva VV, Suikov IE, editors. *Antichnyi polis* [Ancient Polis]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo; 2010. 226 p. Russian.
27. Knabe GS. *Drevnii Rim – istoriya i povsednevnost'* [Ancient Rome – history and everyday life]. Moscow: Iskusstvo; 1986. 207 p. Russian.
28. Plutarch. *Izbrannye zhizneopisaniya. V 2 tomakh. Tom 1* [Selected biographies. In 2 volumes. Volume 1]. Moscow: Pravda; 1987. 589 p. Russian.
29. Shtaerman EM. *Istoriya krest'yanstva v drevnem Rime* [History of the peasantry in ancient Rome]. Moscow: Nauka; 1996. 204 p. Russian.
30. Golubtsova ES. *Obshchina, plemya, narodnost' v antichnuyu epokhu* [Community, tribe, nationality in the ancient era]. Moscow: Nauka; 1998. 253 p. Russian.
31. Cicero Marcus Tullius. *Rech' v zashchitu L. Korneliya Bal'ba* [Speech in defense of L. Cornelius Balbus]. *Journal of Ancient History*. 1987;2:235–252. Russian.
32. Pechatnova LG. [Hippomeions and mofaks (Structure of the Civil Collective of Sparta)]. *Journal of Ancient History*. 1993;3:100–115. Russian.
33. El'nitskii LA. *Vozniknovenie i razvitie rabstva v Rime v VIII–III vv. do n. e.* [The emergence and development of slavery in Rome in the VIII–III centuries BC]. Moscow: Nauka; 1964. 287 p. Russian.
34. Marinovich LP. *Grecheskoe naemnichestvo IV v. do n. e. i krizis polisa* [Greek mercenary in the IV century BC and the crisis of the polis]. Moscow: Nauka; 1975. 277 p. Russian.
35. Jones AM. *Athenian Democracy*. Oxford: Basil Blackwell; 1957. 198 p.
36. Smyshlyaev AL. Our court is the matter of honor, the matter of great deed and the matter of reputation (a legal battle as the matter of honor in Ancient Rome). *Legal Notes*. 2011;1(24):25–31. Russian.
37. Andreev YuV. *Tsena svobody i garmonii: neskol'ko shtrikhov k portretu grecheskoi tsivilizatsii* [The price of freedom and harmony: a few touches to the portrait of Greek civilization]. Saint Petersburg: Aleteiya; 1998. 434 p. Russian.
38. Karpyuk SG. The role of crowd in the political life of archaic and classical Greece. *Journal of Ancient History*. 2000;3:3–35. Russian.